

ЛЕНИНГРАДСКИЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

Главный дирижер

Он начинал свою жизнь в искусстве в незабываемое время, ощущение которого отчасти нам дает «Депутат Балтики». Помнится Мравинскому один зимний вечер, снежная крупа на пустынной площади, спектакль в Мариинке, музыканты в валенках и в шарфах поверх пальто, черные бушлаты в ложах и в партере.

По бокам сцены в стилизованных костюмах русской сказки стоят лицом к оркестру двое юношей. Один из них — Евгений Мравинский со светлым лунным серпом на лбу, другой — Николай Черкасов. И кто знает, может в той публике, которая видела их тогда, сидел и будущий автор 7-й «ленинградской» симфонии — Дмитрий Шостакович. Помнится Мравинскому «оркестровая яма», лицо дирижера, его сильные руки. На долгие годы запомнил он это.

Незабываемое впечатление юности — приезд Вацлава Таллиха. Руки этого чеха отличались замечательной выразительностью. Каждый палец пражского дирижера, казалось, жил своей самостоятельной жизнью. «С тех пор, как я увидел его руки, я старался в своей работе найти их образ». Перед пультом стоял художник-мыслитель. Таллих вел 6-ю симфонию Чайковского. Все его средства были посвящены одному стремлению: раскрыть глубину симфонии. Ее можно было читать по выразительному лицу дирижера, как по партитуре.

И еще более утвердился молодой Мравинский в стремлении посвятить свое творчество разработке мысли и содержания исполняемых им произведений.

Он пришел в оркестр Филармонии молодым художником, но оркестр чувствовал, что у него твердая рука, осознанная воля, глубокая мысль, яркое чувство. Он не боялся труда. Он не любил дешевого успеха. Линия, которую он избрал, была линией наибольшего сопротивления, и это делало его нашим современником. Но мы не услышали бы Мравинского «во весь голос», если бы не состоялась его дружба с композитором — худым и невысоким, в очках на остром и бледном лице.

Эта встреча не была случайной. К ней привело все развитие творчества композитора. «До 5-й симфонии я его не любил, большая часть его творчества была мне чужда». Но пятая симфония потрясла Мравинского. Он почувствовал в ней, как художник преодолевал себя.

Они очень подошли друг к другу — Мравинский и Шостакович. Обоим роднила любовь к труду, вне которого не было жизни, оба были ленинградцами по духу. Вот почему Мравинский оказался лучшим исполнителем симфонии Шостаковича.

Так работал он много и напряженно, пока не грянула война.

С тяжелым чувством покидал оркестр родной город. Дерево вырвали из родной почвы. С тревогой и озабоченностью следил Мравинский

в дороге за людьми, с которыми он глубоко сроднился. Ему не нравились глаза, в которых он читал усталость. Ему не понравилась брошенная вскользь фраза: играть в Сибири кое-как. «Сыграть, и с рук долой»... Нет, намерения его были совсем иные!.. Он не хотел уступки времени. Он стремился сохранить оркестр во всей его силе. Работать как дома и даже с большим напряжением, потому что этого требовало время.

Бои на снежных полях Сталинграда, сообщения, прорывавшиеся из родного города, — они волновали, напрягали волю и чувства...

Квартира 7-го этажа, окно, зимняя Обь, снежный покров на реке... Где-то далеко бедеет снежный покров другой реки. Где-то там в этот зимний ночной час ползет по горбатому мосту затемненный трамвай. Стоят смутными громадами на пустынных площадях памятники, обложенные мешками и песком.

Рассказ об оркестре радиокомитета, исполнявшем под бомбами в ночь налета Чайковского. Как это похоже на них, на ленинградцев, как этот город перекликался духом стойкости с знакомым ему городом времен гражданской войны... Пустынная площадь у Мариинского театра, ветер, метущий злую поземку, музыканты в шубах и валенках... Опять его город переживает дни бури и натиска, опять человеческая воля борется там с силами зла!.. Его долг работать. Он обязан сохранить оркестр.

Пришли сообщения о новой симфонии Шостаковича. Наконец получена ее партитура. Мравинский уединился с библиотекарем. Они просматривали партитуру сообща. Чьи-то неопытные руки, видимо, переписывали ее. Но это мелочь,

Е. Мравинский за дирижерским пультом

Фото М. Пригожина

ерунда. А вся симфония в целом... Дорогой Дмитрий, он вложил в нее свой мозг и свое сердце!..

Мравинский вел работу на напряженном тоне. Оркестр отвечал ему готовностью и пониманием. Это было выполнением долга перед Ленинградом. Так он воспринимал работу над симфонией, созданной на линии огня. Прилетел Шостакович. Мравинский с ним провел у рояля целый день. Шостакович играл, Мравинский слушал. Начались репетиции оркестра. Не было ни высокого белоколонного зала на площади Искусств, ни памятника Глинке, ни розового привычного дома на Кировском проспекте, где так хорошо работало — и все же они оба ощущали себя на берегах Невы. «В Новосибирске я вновь почувствовал себя в такой знакомой ленинградской атмосфере. Далеко, в центре Сибири, я вдруг ощутил много тепла обдали их. Горели все дост-

и к чему меня так бесконечно тянет»... Шостакович знал, кому обязан оркестр своей формой: Евгению Александровичу, главному дирижеру.

Оркестр сыграл Ленинградскую симфонию с проникновенной глубиной. Мравинский вел ее на большем нерве. Шостакович был расстроен. Он назвал исполнение симфонии выдающимся. «Как приятно было думать, что за долгие месяцы разлуки с родным и любимым городом оркестр не только бережно сохранил все свои лучшие качества, но и сумел значительно приумножить их».

Ну, вот пришло время, когда уезжал на родину и оркестр. Пришел день, когда люди, около трех лет не видевшие родного города, вышли на площадь у Московского вокзала.

Вот и день первой репетиции. Они вошли в зал, в котором проходили их лучшие минуты. Волны света и тепла обдали их. Горели все дост-

ры. Да, все, как на концерте! Мягкие, теплые блики отражались на облицовке колонн. Машиновые портьеры рдели на белом фоне строгих стен. Родной дом!.. На пюпитрах лежали печатные программки репетиции с золотым тиснением. В зале сидели товарищи, спустившиеся из служебных комнат, чтобы приветствовать музыкантов. Директор сказал несколько взволнованных слов. Мравинский взмог на пульт, — он был так же взволнован, как и все, — постукал палочкой по пульту, поднял руки, окинул взглядом оркестр, кивнул головой — и в зале возникла певучая мелодия.

Движения Мравинского были свободны, ничем не стеснены, жесты его отличались острым графическим рисунком, у него была своя манера, свой стиль.

И Ленинград увидел Мравинского в новом качестве — глубокого истолкователя, обьемлющего целое и частности.

Проработал плодотворно сезон, весной уехал в Прагу на юбилей пражской филармонии.

Концерты шли в полукруглом зале, блиставшем позолотой, темневшем коричневыми тонами панелей — благородный, просторный зал. И все же не тот, белоколонный, на площади Искусств...

Ленинградская зима: она зовет к труду. Где-то у себя в комнате, может, на Васильевском, может, на улице Декабристов, работает неизвестный музыкант. Может быть, это с ним встретился глазами, раскладываясь вчера в концерте Мравинский. Может, в самом деле, недалек тот день, когда он прочтет его партитуру и почувствует рождение нового художника.

Д. СЛАВЕНТАНТОР